

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-578-586

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»,
тел.: 89164735476,
e-mail: Ivanovasa1@yandex.ru

КОНДРАТЮК Диана Лукинична,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Гражданское право и процесс, ФГАОУ ВО
«Севастопольский государственный университет»,
тел.: 8 (978) 7389379,
e-mail: kondratuk@inbox.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Аннотация. Статья посвящена системному анализу правовых проблем, возникающих при наследовании имущественных и корпоративных прав, связанных с участием гражданина в корпоративной организации. Особое внимание уделено коллизии между универсальным наследственным правопреемством и принципом автономии воли участников корпорации, правовому положению пережившего супруга, временному управлению наследственной долей, толкованию уставных ограничений, выбору надлежащего способа судебной защиты и определению действительной стоимости доли. Предлагается нормативно разграничить наследование имущественной составляющей участия и возникновение корпоративного членства, урегулировать промежуточный статус наследников и доверительного управляющего, а также унифицировать требования к уставным ограничениям и оценке наследуемого корпоративного актива.

Ключевые слова: наследование; корпоративные права; корпорация; общество с ограниченной ответственностью; акции; доля в уставном капитале; переживший супруг; доверительное управление; действительная стоимость доли; наследственное планирование.

Для цитирования: Иванова С. А., Кондратюк Д. Л. Правовые проблемы наследования в корпоративных организациях // Образование и право. 2026. № 10. С. 578–586.

IVANOVA Svetlana Anatolyevna,
Doctor of Law, Professor at the Department of
State-Legal and Criminal-Legal Disciplines,
Plekhanov Russian University of Economics

KONDRATYUK Diana Lukinichna,
Candidate of Law, Associate Professor at the Department of
Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University

LEGAL PROBLEMS OF INHERITANCE IN CORPORATE ORGANIZATIONS

Annotation. The article provides a systematic analysis of legal problems arising from the inheritance of property and corporate rights connected with participation in corporate entities under Russian law. Particular attention is paid to the conflict between universal succession and corporate

autonomy, the status of a surviving spouse, interim management of inherited participatory interests, interpretation of charter restrictions, judicial remedies and valuation of an inherited LLC interest. Legislative proposals are formulated to distinguish succession to the proprietary component from acquisition of membership, regulate the interim status of heirs and trustees, and harmonize charter restrictions and valuation mechanisms.

Key words: *inheritance; corporate rights; corporation; limited liability company; shares; participatory interest; surviving spouse; trust management; actual value of interest; estate planning.*

For citation: *Ivanova S. A., Kondratyuk D. L. Legal problems of inheritance in corporate organizations. Education and law. 2026;(10):578–586. (In Russ.).*

Наследование корпоративных активов находится на пересечении наследственного, корпоративного, вещного, обязательственного и семейного права. Это обстоятельство предопределяет системную сложность соответствующих споров: наследственное право исходит из универсальности правопреемства и сохранения имущественной сферы наследодателя, тогда как корпоративное право допускает ограничения участия, обусловленные личностью участника, закрытостью состава корпорации и необходимостью защищать интересы продолжающего деятельность юридического лица. Чем выше концентрация капитала в доле или пакете акций и чем значительнее влияние наследодателя на управление, тем отчетливее проявляется конфликт между охраной наследственного имущества и стабильностью корпоративного контроля [7].

Актуальность темы усиливается распространением семейного и партнерского бизнеса, в котором доля в обществе с ограниченной ответственностью либо пакет акций нередко являются главным экономическим активом наследодателя. Смерть участника способна вызвать одновременно несколько юридически значимых последствий: открытие наследства, выдел супружеской доли, необходимость установления состава наследственной массы, учреждение доверительного управления, решение вопроса о допуске наследников в корпорацию, перераспределение голосов, выплату действительной стоимости доли и возникновение корпоративных споров.

Научная проблема состоит в том, что законодательство использует выражение «наследование прав, связанных с участием», однако в действительности в разных организационно-правовых формах наследуется неодинаковый юридический объект: акция как бездокументарная ценная бумага, доля в уставном капитале, пай, имущественное требование к корпорации либо совокупность прав, реализация которых зависит от последующего допуска наследника к членству. В литературе справедливо отмечается необходимость различать универсальное правопреемство в отношении экономической ценности корпоративного участия и приобретение полноценного корпо-

ративного статуса [3; 4].

Согласно ст. 65.1 ГК РФ корпоративными юридическими лицами являются юридические лица, участники которых обладают правом участия (членства) и формируют высший орган корпорации. К ним относятся не только хозяйственные общества и товарищества, но также хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации, ассоциации (союзы), товарищества собственников недвижимости и ряд иных организаций. Уже это перечисление демонстрирует, что категория «корпоративные права» шире сферы применения ст. 1176 ГК РФ, специально регулирующей наследование долей, паев и акций в хозяйственных товариществах, обществах и производственных кооперативах.

Из данной системной несогласованности следует первый принципиальный вывод: не всякое членство в корпорации наследуется как субъективное право. В организациях, где членство имеет персональный, профессиональный, целевой или иной строго личный характер, смерть участника прекращает членское отношение, а наследованию могут подлежать лишь отдельные имущественные требования, если они прямо предусмотрены законом или уставом. Поэтому формула «наследование корпоративных прав» должна использоваться с оговоркой: наследование экономического объекта участия не всегда означает наследование членства.

В отношении коммерческих корпораций законодатель применяет несколько моделей. По п. 3 ст. 1176 ГК РФ акции входят в состав наследства, а наследники, к которым они перешли, становятся участниками акционерного общества. Для общества с ограниченной ответственностью действует иная конструкция: доля входит в наследство, но устав может поставить ее переход к наследнику в зависимость от согласия остальных участников. Аналогичным образом в полном товариществе и производственном кооперативе личность правопреемника может иметь определяющее значение. Таким образом, в законодательстве сосуществуют «автоматическая» и «условно-членская» модели наследственного правопреемства.

Юридически корректнее рассматривать корпоративное участие как сложный объект, включающий по меньшей мере три взаимосвязанных элемента: 1) имущественную ценность доли, пая или акции; 2) организационно-управленческие правомочия участника; 3) обязательственные и иные требования к корпорации, включая право на распределение прибыли и ликвидационную квоту. При наследовании эти элементы могут переходить не одновременно. Такое «расщепление» объясняет значительную часть практических конфликтов: наследник может иметь право на долю, но не обладать правом голосовать или назначать органы управления.

Наиболее сложные вопросы возникают в обществах с ограниченной ответственностью. Пункт 8 ст. 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" предусматривает переход долей к наследникам, если иное не установлено уставом; устав вправе требовать согласия остальных участников на такой переход. В сочетании со ст. 1176 ГК РФ это означает, что окончательное приобретение статуса участника в предусмотренных уставом случаях требует прохождения корпоративной процедуры.

Правовая позиция Президиума ВАС РФ, сформулированная еще в постановлении от 20.12.2011 № 10107/11 [9], сохраняет значение: если устав не содержит прямого специального требования о согласии на переход доли к наследникам, принявший наследство наследник приобретает права, удостоверяемые долей, со дня открытия наследства. Следовательно, общие формулы устава о принятии «новых участников» не должны автоматически толковаться как ограничение наследственного перехода. Такой подход защищает принцип правовой определенности и препятствует созданию уставных запретов путем расширительного толкования.

Однако последующая практика Верховного Суда РФ усилила значение корпоративной автономии. В определении от 06.04.2021 № 305-ЭС20-22249 Суд указал, что приобретение имущественного права на долю не всегда тождественно приобретению корпоративного статуса. Эта логика была развита в определениях от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 и от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 [10; 11] применительно к пережившим супругам и наследникам. Тем самым судебная практика фактически закрепила концепцию разделения имущественного титула на корпоративный актив и права членства.

При этом определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 01.02.2024 № 306-ЭС23-11144 [12] имеет прин-

ципальное корректирующее значение. Суд подчеркнул: ограничение перехода доли должно быть прямо и недвусмысленно выражено в уставе; неопределенность толкуется в пользу отсутствия ограничения. Если устав специально допускает свободный переход доли к наследникам, общая оговорка о согласии на переход доли третьим лицам не должна автоматически распространяться на наследников и пережившего супруга. Эта позиция представляется обоснованной, поскольку ограничение наследственного правопреемства должно отвечать повышенному стандарту определенности: оно влияет не только на отношения участников, но и на конституционно защищаемое право наследования.

Таким образом, центральная проблема ООО заключается не в допустимости уставного ограничения как такового, а в отсутствии четкого нормативного описания промежуточного состояния. Между днем смерти участника и моментом получения согласия, отказа в согласии, внесения записи в ЕГРЮЛ может пройти значительный период. Закон недостаточно ясно определяет, кто в это время осуществляет право голоса, инициирует собрания, получает информацию, оспаривает сделки, дает согласие на крупные корпоративные действия, несет риск падения стоимости бизнеса. Доверительное управление частично решает этот вопрос, но оно не является автоматическим и зависит от своевременных действий нотариуса и заинтересованных лиц.

Особую группу образуют споры о правах пережившего супруга. Если доля в ООО приобретена во время брака за счет общего имущества супругов, ее ценность входит в режим совместной собственности. Однако из этого не следует, что второй супруг при жизни зарегистрированного участника автоматически обладает корпоративными правами. Данная конструкция получила устойчивое подтверждение в практике Верховного Суда РФ: имущественная общность супругов и корпоративное членство — различные правовые состояния.

После смерти участника нотариальный выдел супружеской доли способен привести к возникновению параллельных правовых титулов: часть корпоративного актива принадлежит пережившему супругу как собственнику общего имущества, другая часть входит в наследственную массу. В определении № 305-ЭС22-26611 Верховный Суд РФ исходил из того, что уставное ограничение, направленное на сохранение персонального состава ООО, при соответствующей формулировке может распространяться и на супружескую долю. Иной подход позволял бы фактически обходить уставное требование о согласии посредством выдела имущества супругов.

В то же время дело № 306-ЭС23-11144 показало обратную сторону проблемы: если участники общества сами предусмотрели свободный переход доли к наследникам, переживший супруг не должен считаться «обычным третьим лицом» лишь потому, что часть прав возникла у него в результате выдела супружеской доли. Верховный Суд справедливо связал толкование устава с реальной волей участников и семейно-родственным контекстом. Отсюда следует практическое правило: уставное регулирование наследования должно отдельно и ясно отвечать на вопросы о наследниках, пережившем супруге и иных правопреемниках, а не ограничиваться общими категориями «третьих лиц».

На законодательном уровне целесообразно закрепить специальное правило: если устав устанавливает необходимость согласия на приобретение статуса участника наследником или пережившим супругом, такое ограничение должно быть сформулировано прямо применительно к соответствующей категории лиц и основанию перехода. В противном случае должно действовать предположение о свободном переходе. Это снизит количество споров о толковании устава и согласуется с принципом предсказуемости гражданского оборота.

Если требуемое уставом согласие не получено, доля переходит к обществу, а наследнику подлежит выплата ее действительной стоимости либо, с его согласия, выдача имущества такой же стоимости. Экономически это означает трансформацию наследуемого корпоративного актива в денежное требование к обществу. До конца 2025 г. именно механизм определения действительной стоимости был одним из наиболее конфликтных элементов: расчет на основе бухгалтерской отчетности мог существенно отклоняться от реальной стоимости бизнеса, особенно при наличии недвижимости, интеллектуальной собственности, клиентской базы, скрытых резервов.

Федеральный закон от 28.12.2025 № 514-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об обществах с ограниченной ответственностью" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" существенно изменил этот режим. В ст. 23 Закона об ООО введен п. 9, позволяющий при несогласии получателя выплаты или общества с бухгалтерской стоимостью чистых активов определить ее исходя из рыночной стоимости активов и обязательств с привлечением оценщика. Кроме того, уставом может быть предусмотрено определение действительной стоимости непосредственно в размере рыночной стоимости доли или ее части.

Данная реформа в значительной степени

устраняет прежний структурный дисбаланс между интересами корпорации и наследника. Отказ в членстве сохраняется как инструмент защиты персонального состава ООО, но его экономические последствия становятся более справедливыми. Вместе с тем проблема окончательно не решена. Рыночная стоимость чистых активов и рыночная стоимость самой доли — не идентичные категории. Уставная возможность перейти к оценке самой доли полезна, но зависит от предварительной воли участников. Представляется целесообразным закрепить для наследственного случая специальную презумпцию: при отказе в согласии наследник вправе требовать определения выплаты исходя из рыночной стоимости доли, если бухгалтерская стоимость чистых активов очевидно не отражает экономическую ценность бизнеса. Это особенно важно, когда отказ в членстве исходит от лиц, которые после перехода доли к обществу фактически получают возможность перераспределить корпоративный контроль. Механизм выплаты не должен создавать экономический стимул к отказу в наследственном правопреемстве ради приобретения доли по заниженной стоимости.

Акционерная модель внешне значительно проще. Пункт 3 ст. 1176 ГК РФ прямо устанавливает, что наследники, к которым перешли акции, становятся участниками акционерного общества. Устав акционерного общества не вправе поставить переход акций к наследнику в зависимость от согласия иных акционеров. Это соответствует природе акции как эмиссионной ценной бумаги и снижает значение личного элемента в акционерном обществе.

Однако автоматизм материального правопреемства не устраняет учетной стадии. По ст. 29 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 10.06.2026)

"О рынке ценных бумаг" права на бездокументарные эмиссионные ценные бумаги переходят с даты внесения приходной записи по лицевому счету или счету депо, а права, закрепленные ценными бумагами, следуют за учетным правом. Положение Банка России № 799-П [13] в редакции 2025 г. обязывает держателя реестра при наследовании зачислить ценные бумаги на лицевой счет наследника не позднее трех рабочих дней после представления свидетельства о праве на наследство. Следовательно, наследственное право и учетное право ценных бумаг должны быть согласованы через специальную регистрационную процедуру.

Проблемы возникают при множественности наследников. До раздела наследства акции могут оказаться в общей долевой собственности, что затрудняет осуществление прав голоса и распоря-

жение пакетом. Если наследуемый пакет является контрольным, задержка в его разделе способна повлиять на избрание совета директоров, одобрение сделок, выплату дивидендов и сохранение стратегического контроля. Поэтому применительно к акциям важность доверительного управления не меньше, чем для доли в ООО, хотя юридическая природа рисков иная: вопрос состоит не в допуске наследника в корпорацию, а в непрерывности управления пакетом до завершения наследственной процедуры.

Дополнительную сложность создают современные способы учета и цифровизации прав на ценные бумаги. Чем дальше юридический титул наследника от непосредственной записи в реестре эмитента и чем больше уровней номинального держания, тем выше значение своевременного взаимодействия нотариуса, депозитария и регистратора. Для крупного пакета акций наследственное планирование должно включать не только распоряжение о наследниках, но и документы, позволяющие обеспечить управление пакетом на переходный период.

В полных товариществах и производственных кооперативах личный элемент выражен особенно. Участие полного товарища предполагает предпринимательскую активность и повышенную ответственность, а членство в производственном кооперативе связано не только с имущественным паем, но и, как правило, с личным трудовым участием. Поэтому универсальное наследственное правопреемство объективно не может автоматически заместить умершего участника новым членом.

Для производственного кооператива ГК РФ также исходит из возможности приема наследников в члены кооператива, если иное не предусмотрено уставом; в противном случае им выплачивается стоимость пая. Современная литература отмечает, что практические трудности здесь связаны с порядком оценки пая, несколькими наследниками, соотношением норм ГК РФ и специальных законов, а также процедурой принятия нового члена [6].

Системная проблема состоит в отсутствии единых критериев, когда имущественное правопреемство должно вести к членству, а когда — только к компенсации. Для «персоналистских» корпораций законодатель мог бы использовать общую норму о том, что наследник приобретает имущественную составляющую участия безусловно, а членство возникает по правилам специального закона и устава. Такое решение устранило бы терминологическую иллюзию «наследования членства» и сделало бы более последовательным регулирование различных видов корпораций.

Статья 1173 ГК РФ предусматривает доверительное управление наследственным имуществом, если оно требует не только охраны, но и управления, прямо называя долю в уставном капитале корпоративного юридического лица, пай и ценные бумаги. Нотариус выступает учредителем управления; его целью является сохранение имущества и увеличение его стоимости. В завещании наследодатель вправе дать распоряжения по вопросам управления, включая указания о голосовании в высших органах корпораций. Эти нормы создают важный мост между наследственным и корпоративным правом. Тем не менее доверительное управление не всегда обеспечивает реальную непрерывность корпоративного контроля. Во-первых, его учреждение требует выявления имущества и организационных действий нотариуса; между смертью участника и заключением договора может возникнуть управленческий вакуум. Во-вторых, полномочия доверительного управляющего должны соотноситься с уставными ограничениями и структурой конкретной корпорации. В-третьих, при корпоративном конфликте остальные участники могут оспаривать объем полномочий управляющего или препятствовать его участию в собраниях. В-четвертых, для единственного участника ООО смерть собственника бизнеса способна создать критическую неопределенность в отношении назначения и контроля директора.

В научной литературе обоснованно подчеркивается значение не только для сохранения стоимости доли, но и для защиты интересов самой корпорации, включая возможность оспаривания сделок и взыскания убытков в переходный период [1,3]. Представляется, что для доли, предоставляющей существенное влияние на управление, закон должен устанавливать ускоренный нотариальный механизм: при подтвержденной смерти участника и наличии риска блокировки органов общества доверительное управление должно учреждаться в краткий срок без ожидания полного установления круга наследников.

Дополнительно целесообразно закрепить минимальный перечень корпоративных полномочий доверительного управляющего: участие и голосование на общих собраниях, получение информации, оспаривание явно убыточных или конфликтных сделок, принятие неотложных решений по назначению органов управления, если без этого деятельность корпорации становится невозможной. При этом распоряжение самой долей должно сохранять ограниченный характер, поскольку задача доверительного управления — сохранить наследственный актив, а не заменить окончательный раздел наследства.

В сфере наследования корпоративных прав

особое значение приобретает наследственное планирование, в частности при передаче семейного бизнеса по наследству. Несмотря на отсутствие легального определения, сложилось понимание наследственного планирования как деятельности по определению судьбы имущества наследодателя после его смерти.

Как указывают В.В. Гущин и А.В. Добровинская, тщательное планирование наследования семейного бизнеса следует рассматривать как новый вид оптимизации будущего наследования, иногда связанного с несколькими правопорядками, в интересах определения наиболее эффективных и доступных решений [2].

Наследственное планирование корпоративного участия не сводится только к завещанию. Устав, корпоративный договор, брачный договор, наследственный договор, завещательные распоряжения об управлении и конструкция личного фонда могут выполнять взаимодополняющие функции. Однако их юридическая совместимость пока недостаточно разработана. Особенно дискуссионен вопрос о судьбе обязательств наследодателя из корпоративного договора. Корпоративный договор имеет выраженный персональный характер, и автоматический переход всей договорной позиции к наследнику может противоречить воле других сторон [4]. Поэтому корпоративный договор целесообразно использовать прежде всего как инструмент предварительного согласования сценариев смерти участника: обязанность голосовать за прием наследника; порядок выкупа доли у наследников; механизм определения цены; сроки расчетов; правила временного управления; опцион или иные договорные механизмы, не противоречащие императивным нормам. При этом попытка полностью «обойти» наследственное законодательство корпоративным договором недопустима: он не может лишить наследника прав на имущество, которые возникают в силу закона или завещания.

Наследственный договор, напротив, способен непосредственно увязать переход имущества с обязанностями наследника и иными условиями, допустимыми законом. В современной литературе он рассматривается как перспективный инструмент передачи корпоративного бизнеса [8]. Его потенциал особенно значим в семейных компаниях, где собственнику важно не только назначить преемника, но и обеспечить согласованную смену управления. Однако практическая эффективность зависит от предварительной синхронизации наследственного договора с уставом общества: если устав требует согласия остальных участников, наследственный договор сам по себе не отменяет такого требования.

Одним из альтернативных способов опре-

деления потенциальных наследников бизнеса является использование конструкции опциона на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ). Данный механизм позволяет наследодателю участнику ООО посредством безотзывной оферты предоставить избранному им лицу право заключить договор купли-продажи доли на заранее определенных условиях, связав момент акцепта с наступлением его смерти.

Ключевой особенностью опциона на заключение договора, отличающей его от традиционных обязательственных конструкций, является юридическая природа возникающего на его основе права. По своей сути право по опциону не носит имущественного характера в классическом понимании, поскольку не предоставляет его обладателю непосредственного права на вещь или иное имущество. Оно представляет собой лишь возможность заключить сделку в будущем, предметом которой такое имущество станет.

В данном случае речь идет о секундарном праве, которое предоставляет управомоченному лицу юридическую возможность одностороннего воздействия на правовую сферу другого лица. Применительно к опциону это выражается в том, что держатель опциона обладает правом на акцепт безотзывной оферты, тогда как для оферента (владельца доли) секундарная природа оборачивается связанностью, не позволяющей ему в одностороннем порядке отказаться от данного им обещания.

Однако, именно секундарная природа опциона порождает сложные коллизии в сфере наследования. Как отмечает Парилова Е.В., остается нерешенным вопрос о том, возникает ли юридическая связанность наследников оферента той безотзывной офертой, которая была сформулирована наследодателем, если по сути отсутствуют возникшие конкретные обязательства имущественного характера, могут ли наследники решать судьбу оферты, руководствуясь принципом свободы договора - принять на себя вытекающие из нее обязательства или отказаться от них [5].

Представляется, что в данном случае ключевое значение имеет принцип универсальности правопреемства (п. 1 ст. 1110 ГК РФ). Поскольку опцион на заключение договора купли-продажи доли был предоставлен наследодателем при жизни и неразрывно связан с его личностью лишь в момент формирования воли, после его смерти в состав наследственной массы входит обязательство по ее исполнению при условии акцепта. Следовательно, наследники, принявшие наследство и получившие согласие на вступление в состав участников ООО, в случае акцепта оферты управомоченным лицом (потенциальным наслед-

ником бизнеса) обязаны совершить действия по купле-продаже доли. Иное толкование, допускающее возможность свободного выбора наследниками судьбы оферты, вступало бы в противоречие с принципом универсального правопреемства, предполагающим переход прав и обязанностей наследодателя в неизменном виде как единого целого.

Таким образом, следует признать, что наряду с традиционным наследственным договором опцион представляет собой альтернативный, легальный способ планирования перехода бизнеса на случай смерти. Риск оспаривания сохраняется, но он реален лишь в тех ситуациях, когда конструкция используется для заведомого нарушения прав обязательных наследников, а не для упорядочения передачи корпоративного контроля.

Практически оптимальная модель наследственного планирования корпоративного бизнеса должна включать аудит устава, семейного режима собственности, корпоративных договоров, структуры владения, учетной инфраструктуры ценных бумаг, состава органов управления и сценария временного управления после смерти ключевого участника. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов способно сделать даже юридически безупречное завещание недостаточным для сохранения бизнеса.

Наследственно-корпоративные споры отличаются сложностью определения надлежащей юрисдикции и способа защиты. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 29.05.2012 № 9 "О судебной практике по делам о наследовании" [14] исходил из того, что споры о включении акций, долей и паев в состав наследства, а также требования наследника о выплате действительной стоимости доли связаны с наследственными правоотношениями. Однако после получения наследником соответствующего титула спор может приобрести собственно корпоративный характер - например, при оспаривании его статуса участника, решений собрания либо перехода доли обществу.

Показательно определение № 306-ЭС23-11144. Верховный Суд РФ указал, что спор о праве на участие в юридическом лице не должен подменяться обжалованием действий регистрирующего органа. Если право лица на долю зарегистрировано в ЕГРЮЛ, но другое лицо оспаривает сам корпоративный титул, надлежащим способом может быть иск о передаче доли обществу по п. 18 ст. 21 Закона об ООО, а не требование к налоговому органу об исключении записи. Эта позиция имеет важное методологическое значение: реестр фиксирует правовое состояние, но не должен становиться процессуальным суррогатом разрешения корпоративного конфликта.

Для наследника выбор способа защиты зависит от стадии правоотношения. До разрешения вопроса о составе наследства применимы требования наследственного характера. После выдачи свидетельства могут возникать требования о признании права, о понуждении к предоставлению информации, о признании решений собрания недействительными, о выплате действительной стоимости доли, о взыскании убытков, а также корпоративные требования, направленные на восстановление прав корпорации. Между этими стадиями существует «серая зона», в которой интересы наследника могут защищаться доверительным управляющим.

Законодательству недостает единой процессуальной нормы о наследственно-корпоративных спорах. Практически полезным было бы разъяснение Пленума Верховного Суда РФ, систематизирующее: 1) момент возникновения корпоративного статуса наследника в разных формах корпораций; 2) статус доверительного управляющего; 3) надлежащие способы защиты при неправильной записи в ЕГРЮЛ; 4) правила оспаривания корпоративных решений, принятых в период между смертью участника и оформлением наследства; 5) распределение бремени доказывания при споре о действительной стоимости доли.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько предложений *de lege ferenda*. Во-первых, ст. 1176 ГК РФ следует изложить через ясное разграничение имущественного наследования и корпоративного членства. Базовая формула могла бы устанавливать, что доля, пай или акция как имущественный объект входят в наследство, а приобретение статуса участника определяется законом и уставом соответствующей корпорации. Для акционерных обществ сохранялось бы автоматическое членство; для «персоналистских» корпораций - специальная процедура допуска.

Во-вторых, в Законе об ООО необходимо закрепить правило о повышенной определенности уставных ограничений: требование согласия на переход доли к наследникам, пережившим супругам или иным правопреемникам действует только при прямом указании соответствующей категории лиц и основания перехода. Неясные и противоречивые положения должны толковаться в пользу свободного перехода доли. Фактически такой подход уже сформирован Верховным Судом РФ в деле № 306-ЭС23-11144; его нормативное закрепление повысило бы предсказуемость оборота.

В-третьих, реформа действительной стоимости доли 2025 г. должна получить дальнейшее развитие применительно к наследованию. При отказе наследнику во вступлении в ООО экономическим ориентиром должна быть не формальная бух-

галтерская величина, а справедливая стоимость корпоративного актива. При существенном расхождении бухгалтерских и рыночных показателей наследник должен иметь безусловное право на независимую рыночную оценку. Особое внимание необходимо уделить предотвращению манипуляций стоимостью активов и обязательств в период после смерти участника.

В-четвертых, следует развивать правовые инструменты преемственности бизнеса: наследственный договор, завещательные распоряжения об управлении, корпоративный договор, механизмы опциона и личный фонд. Однако эти инструменты должны быть согласованы между собой. В законодательстве целесообразно прямо признать допустимость корпоративных соглашений, определяющих порядок действий участников при смерти одного из них, при условии соблюдения императивных наследственных прав и запрета злоупотребления правом.

В-пятых, требуется более четкая цифровая интеграция нотариальной и корпоративной инфраструктуры. Для ООО перспективно автоматизированное получение нотариусом актуальных сведений об уставе и ограничениях перехода доли, а для акций - обмен сведениями с регистраторами и депозитариями. Это позволит быстрее устанавливать состав наследства, учреждать управление и минимизировать риск корпоративных действий без учета смерти участника.

Заключение. Правовые проблемы наследования в корпоративных организациях обусловлены не столько недостатком отдельных норм, сколько столкновением двух базовых принципов: универсальности наследственного правопреемства и автономии корпоративной организации. Наследственное право стремится сохранить за наследником экономическую ценность имущества умершего, корпоративное — обеспечить устойчивость персонального состава и управления юридического лица. Современное российское право не выбирает один из этих принципов, а сочетает их в зависимости от организационно-правовой формы.

Наиболее сбалансированной представляется модель, при которой имущественная составляющая корпоративного участия наследуется безусловно, а членство наследника может зависеть от прямо установленного законом или недвусмысленно выраженного в уставе условия. При этом отказ в членстве должен сопровождаться экономически эквивалентной компенсацией, а переходный период - эффективным механизмом управления корпоративным активом. Закон № 514-ФЗ от 28.12.2025 сделал важный шаг в направлении справедливой оценки долей ООО, приблизив ком-

пенсационный механизм к реальной стоимости бизнеса.

Дальнейшее развитие регулирования должно быть направлено на устранение промежуточных неопределенностей: определить момент и объем прав наследника, стандартизировать уставные ограничения, расширить функциональность доверительного управления, синхронизировать семейно-правовой и корпоративный режимы, а также сформировать единый подход к судебной защите. Именно такая конструкция способна обеспечить одновременно защиту права наследования, устойчивость корпоративного управления и сохранение бизнеса как функционирующего экономического комплекса.

Список литературы:

- [1] Батрова Т.А. Определение кандидатуры доверительного управляющего наследственным имуществом: проблемы и пути решения // Нотариус. 2025. № 1. С. 40 - 44.
- [2] Гущин В. В., Добровинская А. В. Наследственное планирование семейного бизнеса // Образование и право. 2021. № 7, стр. 106.
- [3] Ерчак С.В. Защита субъективных прав и правовых интересов корпорации наследниками участника // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 4. С. 80–109.
- [4] Зайпулаева Т.М. Применение корпоративного договора в наследственных правоотношениях: проблемы теории и практики // Теория и практика общественного развития. 2024. № 5. С. 268–275.
- [5] Парилова Е.В. Коллизии наследственного и корпоративного права на примере опционных конструкций как инструмента наследования доли в обществе с ограниченной ответственностью // Современное право. 2025. № 6, с. 74-80.
- [6] Ситько Н.Г. Наследование корпоративных прав в сельскохозяйственных производственных кооперативах // Нотариальный вестник 2024. № 2. С. 57–64.
- [7] Севеева К.В. Правопреемство по опционным соглашениям в корпоративном праве при реорганизации и наследовании. М.: Статут, 2024.
- [8] Терновая О.А. Актуальные проблемы наследования корпоративных прав участников обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. 2023. № 5.
- [9] "Вестник ВАС РФ", 2012, № 4.
- [10] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.04.2023 № 305-ЭС22-26611 по делу № А40-284789/2021 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?>

req=doc&base=ARB&n=756264 (дата обращения: 16.06.2026).

[11] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.06.2023 № 310-ЭС23-663 по делу № А83-18084/2020 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=764598> (дата обращения: 16.06.2026).

[12] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2024 N 306-ЭС23-11144 по делу N А57-4383/2022 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798305> (дата обращения: 16.06.2026).

[13] "Вестник Банка России", N 3, 26.01.2023.

[14] "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 7, июль, 2012.

References:

[1] Batrova T.A. Determining the Candidate for Trustee of Inherited Property: Challenges and Solutions // *Notarius*. 2025. No. 1. pp. 40–44.

[2] Gushchin V.V., Dobrovinskaya A.V. Succession Planning for Family Businesses // *Education and Law*. 2021. No. 7, p. 106.

[3] Erchak S.V. Protection of a Corporation's Subjective Rights and Legal Interests by the Heirs of a Participant // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2024. Vol. 17. No. 4. pp. 80–109.

[4] Zaypulaeva T.M. Application of Corporate Agreements in Inheritance Relations: Theoretical and Practical Issues // *Theory and Practice of Social Development*. 2024. No. 5. pp. 268–275.

[5] Parilova E.V. Conflicts Between Inheritance Law and Corporate Law: The Case of Option Structures as a Tool for Inheriting Shares in a Limited Liability Company // *Modern Law*. 2025. No. 6, pp. 74–80.

[6] Sitko N.G. Inheritance of Corporate Rights

in *Agricultural Production Cooperatives* // *Notarialny Vestnik*. 2024. No. 2. pp. 57–64.

[7] Seveeva K.V. Legal Succession Under Option Agreements in Corporate Law During Reorganization and Inheritance. Moscow: Statut, 2024.

[8] Ternovaya O.A. Current Issues Regarding the Inheritance of Corporate Rights Held by Participants in Limited Liability Companies // *Notarialny Vestnik*. 2023, No. 5.

[9] **Vestnik VAS RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2012, No. 4.

[10] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 6, 2023, No. 305-ES22-26611, in case No. А40-284789/2021 // ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=756264> (accessed: June 16, 2026).

[11] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 6, 2023, No. 310-ES23-663, in case No. А83-18084/2020 // ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=764598> (accessed: June 16, 2026).

[12] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 1, 2024, No. 306-ES23-11144, in case No. А57-4383/2022 // ConsultantPlus legal reference system. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=798305> (accessed: June 16, 2026).

[13] "Bulletin of the Bank of Russia", No. 3, 01/26/2023.

[14] "Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation", N 7, July, 2012.

